

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

МАРГАРИТА НИКОЛАЕВНА

КОЖИНА —

профессор Пермского госуниверситета,
доктор филологических наук

УДК 801:159

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЛИНГВИСТИКИ ВО II-й ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА, ВЕДУЩИЕ К СМЕНЕ ЕЕ ПАРАДИГМЫ

АННОТАЦИЯ. В статье представлены базисные направления развития лингвистики на рубеже веков. Дается характеристика двух основных подходов: системно-структурного и коммуникативно-функционального. Особая значимость второго направления приводит к смене парадигмы. Представлены также перспективы развития лингвистики в XXI веке.

The article presents basic approaches to linguistics on the eve of XXI century. Two main conceptions: systemic-structural and communicative-functional are analyzed. The great importance of the second trend leads to the change of the paradigm. The author outlines also perspectives of the development of linguistics in general in XXI century.

Сам по себе вопрос о смене парадигмы науки о языке в настоящее время весьма актуален и часто обсуждается на страницах научных работ, но рассматривается он и решается неодинаково. Фактическое же положение дел в отечественной лингвистике¹ таково, что, с одной стороны, большая часть публикаций исследует язык в системно-структурном плане, т. е. описывает строй языка, с другой — все шире представлены работы по проблемам функционирования языка, его использования говорящими, т. е. коммуникативно-функционального направления.

¹ Имеем в виду прежде всего русистику. Оговорим также, что объем статьи не позволяет охватить даже и основные тенденции развития языкознания, мы остановимся на вопросе формирования коммуникативно-функционального, точнее речеведческого аспекта языкознания, как раз свидетельствующего о формировании новой парадигмы лингвистики.

Такое развитие языкознания было, собственно, предопределено и так или иначе обозначено еще в начале XX века прежде всего идеями Ф. де Соссюра, а также трудами последующих зарубежных и отечественных ученых (как последователей Соссюра, так и его противников).

Интересно то, что языкознание XX в. развивалось именно под знаком реализации идей Соссюра о языке/речи (особенно если учитывать высказывания ученого не только о приоритетном изучении системы языка, но и о лингвистике речи), которые он не успел, правда, полностью осуществить в своих исследованиях.

Грубо (и схематично) говоря, языкознание первой половины XX в. вплоть до 60-х гг. развивается в аспекте изучения строя языка как главного (если не единственного) предмета лингвистики, т. е. системно-структурном, исследующем язык именно как специфическую систему (как код) в ее статистике. Проблемы функционирования этой системы — в реальности употребления, т. е. коммуникативный аспект языка, его динамика, актуализация в процессе общения остаются за скобками. Однако отдельными учеными уже с конца 20-х — в 30-х и 40-х гг., а в "полный голос" в 60—70-х гг. высказывается недовольство узостью лингвистики при ограничении ее предмета лишь строем языка и провозглашается необходимость исследования языка в его употреблении, его реальной актуализации в различных актах общения в социокультурном контексте. Здесь следует упомянуть прежде всего имена таких ученых, как М. Бахтин (1929, 1953), Г. О. Винокур (1941), Л. Витгенштейн (1953), а также Ч. С. Пирс, Ч. У. Моррис, Р. Шенк, В. Лабов, Д. Х. Хаймз, Г. П. Грайс, В. В. Виноградов, В. А. Звегинцев и др.¹

Между прочим, напомним, что сам Ф. де Соссюр, определяя специфику языка и считая систему языка главным объектом лингвистики, в то же время неоднократно говорил о "разумности изучения речевой деятельности" [39.36]; замечал, что "оба предмета изучения (язык и речь. — М. К.) тесно между собой связаны и друг друга предполагают" [39.42].

Знаменательно, что при этом ученый считал необходимым "развести" два указанных аспекта изучения: "Было бы нелепо объединять под одним углом зрения и язык и речь... Надо избрать одну из двух дорог, следовать по которым одновременно не представляется возможным; надо отдельно идти по каждой из них"; "можно, в крайнем случае, сохранить название лингвистики за обеими этими дисциплинами и говорить о лингвистике речи", наряду с лингвистикой языка [39.43] (Выделено нами. — М. К.).

Языкознание XX века прошло оба эти пути по отдельности: сначала собственно системно-языковой, затем, начиная с конца 60-х, но особенно в 70—80-е гг. — коммуникативно-функциональный, иначе — речеведческий, чем и обозначился поворот в парадигме лингвистики. Однако этот, второй, аспект только еще набирает силы.

Характерно, что в течение XX в. само обсуждение проблемы языка/речи то активизировалось, то как бы затухало, но затем вновь рассматривалось на новом уровне, в новом контексте. Симптоматично в связи с этим высказывание В. А. Звегинцева (приведем его, несмотря на большой размер):

¹ Приведем лишь некоторые высказывания: "Мы говорим высказываниями, а не отдельными словами и предложениями"; "... научиться говорить, значит научиться строить высказывания" (Бахтин М. М.) [6.257]; тот же ученый сетовал по поводу "игнорирования форм речевого общения в лингвистике из-за нечеткости употребления термина речь" [6.248]. Р. Шенк: "Для меня теория языка *per se* — пустая идея ... Теория, ориентированная на язык и только на язык, не способна объяснить процессов коммуникации. Поскольку же коммуникация составляет сердцевину языка, такая теория, имеющая вид только формального аппарата, ничего не объясняет" [36.36].

"... многие лингвисты ... не замечают двойственность своего предмета... Другие стремятся обойти эту двойственность. Третьи ... вынесли речь за скобки своих научных исследований... Четвертые объявили противопоставление языка и речи устаревшим... В каких бы формах мы не представляли двойственность объекта лингвистики, совершенно очевидно, что мы имеем дело с *двумя разными явлениями* (В. А. Звегинцева. — М. К.) — как бы они ни были тесно связаны... Всякая лингвистическая теория, претендующая на адекватность описания, не только **не может игнорировать факт этой двойственности**, но **должна класть его в свою основу** в качестве **исходного момента**. Если она этого не делает, она с самого начала обрекает себя на намеренную ущербность" [18.11] (Выделено нами. — М. К.). Приведем и другое, более позднее, высказывание о важности для языкознания функционального аспекта языка (имеется в виду проблема определения сущности значения): "Одной из причин, может быть главной из них, мешающей преодолению противоречий... является то, что лингвистическая семантика в *недостаточной степени*, по нашему мнению, *учитывает функциональный аспект языка...*" [29.79] — (Выделено нами. — М. К.).

Между прочим, в некоторых работах, рассматривающих вопрос о смене парадигмы языкознания, при подчеркивании критерия смены статического аспекта на динамический (в связи с характеристикой генеративной грамматики) недостаточно, на наш взгляд [см. также: 5], акцентируется вопрос о значимости при этом коммуникативно-функционального аспекта (особенно об актуализации языка в социокультурной среде) [27]. Последнее, однако, особенно отличает русистику.

Однако не только появление во второй половине XX века и бурное развитие новых дисциплин, изучающих речь, речевую деятельность, использование языка в речевых актах и различных сферах его употребления (психолингвистика, социоллингвистика, лингвосоциопсихология, функциональная стилистика, лингвистика текста, теория речевых актов, прагматика и др.), но и вообще "ливневый" поток публикаций в русистике по проблемам живой речи, речевой деятельности и общения, речевых жанров, динамики языковых изменений под влиянием социальных факторов (т. е. в результате функционирования языка) — проблем, ставших приоритетными, — все это удостоверяет о "переходе" исследовательской научной парадигмы на новую ступень, на новый виток спирали познания языка. Языка не только в его узкосистемном плане и статике, но в его реальном функционировании в обществе, когда социальность и коммуникативность языка из потенциальных становятся реальными, актуализируясь в общении людей, когда в центр внимания естественно попадает не только (и не столько) абстрактная система, но и, говоря словами Ч. У. Морриса, "отношение знаков к их пользователям" [28], говорящий человек, "языковая личность", "человеческий фактор" (Караулов Ю. Н., 1987).

Современная лингвистическая действительность ярко свидетельствует о явной переориентации исследователей на речеведческий аспект. И не только тем, что развивается ряд смежных дисциплин, фокусирующих свое внимание на говорящем человеке, речевых актах, прагматике речевого общения и т. п., но и тем, что традиционно узкоязыковая тематика пронизывается именно речеведческим аспектом (хотя далеко не всегда это отмечается терминологически). В русистике можно назвать множество солидных и интересных публикаций по сути речеведческого плана, не случайно "пронизанных" и антропоцентризмом: Русский язык конца XX столетия (1985-1995)

(М., 1996), Русский язык (Red. n. E. Sirjaev), Opole, 1997, Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование (М., 1988), Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности (М., 1991), Культура парламентской речи (М., 1994), Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения (М., 1993), Культура русской речи и эффективность общения (М., 1996), Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность (М., 1987), Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи (М., 1994), Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции (Екатеринбург, 1995); кроме того, многочисленные публикации по живой разговорной речи, в том числе сборники и ежегодники типа журналов, содержащие, помимо прочего, богатую литературу по речевым жанрам: Русская разговорная речь как явление городской культуры (Екатеринбург, 1996); Журналистика и культура русской речи. Вып. 1 (МГУ, 1996), Вып. 2,3,4 (1997); Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 1-4 (Красноярск-Ачинск, 1997), Вопросы стилистики: человек и язык (Саратов, 1996), Жанры речи (Саратов, 1997); Проблемы развития речевой культуры педагога (Томск, 1997), Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации (Екатеринбург, 1997) и др.

Все эти аспекты речеведческие, что и отмечается в ряде случаев.

Следует сказать, что в отечественной лингвистике, особенно русистике, активизации коммуникативно-функциональных исследований, постулированию их приоритетности в науке о языке способствовала функциональная стилистика и, естественно, стилистика художественной речи. Не всегда и не всеми это осознавалось и эксплицировалось, однако можно привести ряд авторитетных высказываний на этот счет. Например: "*Стилистика раньше других разделов языкознания... обратилась к исследованию динамического состояния языковой системы и к проблемам анализа целостного текста. И это не случайно, в центре ее внимания всегда находились закономерности выбора средств, способных удовлетворить той или иной социально-ролевой или эмоционально окрашенной интенции говорящего именно как субъекта речи. Именно в стилистических штудиях был сохранен интерес к деятельностному проявлению языковой компетенции, к речевой деятельности (language), в то время как в лингвистике основное внимание было уделено языку (langue)*" [40.9-10]¹. (Выделено нами. — М. К.).

Известно, что новейшие лингвистические дисциплины коммуникативно-функциональной направленности во многих случаях не имеют четких границ и строго очерченного предмета исследования²; по ряду позиций они совмещаются, "переплетаются". Не отрицая необходимости дальнейшего уточнения и определения предмета исследования каждой из этих дисциплин, целесообразно в то же время оформить общий речеведческий уровень исследования языка (иначе, речеведческий аспект теории языка), находящийся в отношениях дополнительности к собственно системно-структурному. В связи с этим представляется конструктивной идея Е. С. Кубряковой о полипарадигмальности современной лингвистики (1994).

¹ См. также: Проблемы современной стилистики. М., 1989: "Стилистика, развиваясь продолжительное время в русле структурной лингвистики, была единственным разделом языкознания, "узаконившим" обращение к внеязыковой действительности, процессам коммуникации и ее участникам", "именно в работах по функциональной стилистике были созданы теоретические предпосылки для коммуникативного подхода к проблеме стиля" (с. 135); Грамматические исследования... [15.6].

² Об этом писал еще Ч. У. Моррис; см. также: Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990 (статьи о прагматике, теории речевых актов, лингвистике текста); Новое в зарубежной лингвистике. Т. XVI. М., 1985 и др.

Идея такого рода уже высказывалась в научной литературе (кстати, с использованием термина "речеведение" — "ведческий"). См., например: Т. В. Шмелева "Речеведение: в поисках теории" (1997), работы по типологии речи А. А. Холодовича (1967) и Г. Г. Почепцова (1975). Еще ранее О. С. Ахманова в связи с характеристикой зарубежной социолингвистики говорила о "переориентации исследований" со структурных на функциональные (1966). В области функциональной стилистики вопросам обоснования теории и практики речеведения были посвящены монографии М. Н. Кожинной (1966, 1968)¹, пониманию стилистики текста как стилистики речи — труды В. В. Одицова (1980, 1982); см. также: А. Г. Баранов (1993) и др.

Истоки подобного подхода восходят к идеям Г. О. Винокура, М. Бахтина, В. В. Виноградова, Л. П. Якубинского, Л. В. Щербы. М. Бахтин, в частности, неоднократно подчеркивал значимость изучения аспекта использования, употребления языка, недостаточность понимания языка вне учета его функционирования в реальной действительности, изучения речевой деятельности и общения и речевых единиц — высказывания (четко отделяя последнее от предложения) и речевого жанра. Ученый отмечает, что игнорирование феномена общения происходит из-за нечеткого употребления термина "речь". "Неопределенное слово "речь", могущее обозначать и язык, и процесс речи, т. е. говорение, и отдельное высказывание, и целый... ряд высказываний, и определенный жанр... до сих пор не превращено лингвистами в строго ограниченный... термин" [6.249]. Между тем "мы говорим высказываниями" (257). Изучение же "высказывания как *реальной единицы речевого общения* позволит **правильнее понять** и природу единиц языка (как системы) — слова и предложения" (245) (курсив. — М. Б., выделено нами. — М. К.).

Речеведческое изучение языка обусловлено и, как выразился М. Бахтин, "трением слова о **внесловную** среду, и трением слова о другое слово (других людей)" (399), т. е. социальными факторами и "человеческим фактором", ибо "никакие человеческие события не разворачиваются и не разрешаются в пределах одного сознания. Сознание по существу множественно" (301), природа сознания диалогична, "диалогичность есть высшая форма социальности... Само бытие человека... есть глубочайшее общение". "Быть — значит общаться" (300), "значит участвовать в диалоге" (307). Отсюда понимание диалога как **взаимодействия**.

В последнее время идеи М. Бахтина как бы заново возрождаются в отечественной (и не только)² лингвистике и стали особенно популярными. Они, несомненно, могут считаться краеугольным камнем в процессе формирования речеведения.

В истории языкознания уже немало сделано для возможного оформления речеведения, или лингвистики речи, как науки (одного из ее аспектов), специально изучающей явления речевой деятельности и общения. Пока рано говорить не только о создании какой-то стройной системы взглядов, наличии единой теории. Однако попытки определения и систематизации понятий речеведения, поиски критерия этой систематизации, предварительные наброски частных отделов этого аспекта теории языка все же имеются (см. указ. литературу). Попытаемся в процессе поисков схематического каркаса речеведения и определения его понятийного аппарата высказать,

¹ В предисловии к одной из работ автора написано: "Пафос книги — настоятельное требование и посильное обоснование *собственно речеведческого* изучения объекта в лингвистике" [21.3].

² См., например, высокую оценку А. Вежбицкой работ М. Бахтина о речевых жанрах (1997).

хотя бы на уровне ключевых слов, наши предварительные соображения (естественно, не лишённые дискуссионности), а также наметить объединяющий эти понятия принцип, координату как основу для их систематизации.

Заметим, что другие дисциплины исследуют в речи как объекте изучения лишь какие-то *отдельные* ее аспекты, не преследуя цели многоаспектного и более или менее всеобъемлющего, но целостного ее изучения. Поэтому, когда мы говорим о речеведении как особом аспекте (одном из двух) изучения языка, вряд ли можно представлять его как простую совокупность имеющихся наук, связанных с исследованием речи, объединением их под одной "крышей". Речь идет именно о специальном и целенаправленном изучении речевого аспекта языка, ориентированного на максимально полное выявление и изучение *речевой специфики* в соотношении со спецификой системно-языковой (строю языка) в общем объекте лингвистики. Подобного рода исследование, очевидно, должно быть более эффективным в деле целостного описания речи и систематизации проблематики с ней связанной.

При этом ни в коей мере речь не отрывается от языка, поскольку имеется в виду в конечном счете двуаспектный объект (и двуаспектное его изучение) — язык в широком смысле слова (соответствующий соссюрровскому *langage* — языковой деятельности)¹, представляющий собою *единство* системы и ее функционирования в речевой деятельности и общении социума.

Как справедливо заметил А. Е. Кибрик, "Путь познания языка через речь приводил часто или к неразличению языка и речи, или, напротив, к игнорированию самой речи (речевой деятельности) и ее фундаментального влияния на собственно язык. Между тем понимание принципиального противоречия между конечностью языка (как *устройства*, механизма, системы) и его бесконечным *использованием* в бесконечно разнообразных *речевых ситуациях* имеет *далеко идущие последствия* для правильного понимания природы языка" (ЛЭС 1990) (Выделено нами. — М. К.). Поскольку язык в узком смысле слова — "система языка, лежащая в основе всех проявлений речевой деятельности", которая, однако, "не дана нам в непосредственном наблюдении, реализуется исключительно в речи" (ЛЭС 1990) — подвергся уже изучению и описанию в своей *специфике*, то естественно выявить, изучить и описать таковую (специфику) применительно к речи (вовсе не отрывая речь от языка, поскольку посредством использования последнего в речевой деятельности и актуализируется предназначение первого — реализация его коммуникативной функции в процессе человеческого общения). Таким образом, язык в широком смысле *предстает как двуаспектный феномен* — как функционирующая в речи система знаков.

Если различать (не разрывать!) язык, т. е. систему, строй языка и речь, как его использование говорящими в речевой действительности в качестве взаимодополняющих друг друга феноменов и аспектов их изучения, то основные параметры того и другого, собственно, давно уже очерчены в науке о языке. Правда, эти сопоставления, собранные, например В. А. Звегинцевым, в середине 70-х гг., наряду с бесспорными (код — сообщение, потенция — акт ее выявления, система — текст, форма — субстанция), содержат и параллели (альтернативы) дискуссионного характера [18.10]. Например, противопоставление *социальное — индивидуальное* некорректно, поскольку речь не только индивидуальна, но в то же время и социальна, а при рассмотрении ее на более высоком уровне абстракции (например, в плане вообще речевой деятельности и общения, типологии речи) никак

¹ О вариантах перевода соссюрровского термина см.: [38.18].

не ограничивается ее последним признаком — индивидуальностью. Некоторые другие параметры языка и речи в свое время дискутировались с философско-теоретической точки зрения (общее — частное, сущность — явление, целое — частное)¹.

Оставляя в стороне эти дискуссионные вопросы, возьмем за основу (для выявления ключевых терминов-понятий речеведения) данные "Лингвистического энциклопедического словаря" (М., 1990), статью Н. Д. Арутюновой "Речь", поскольку здесь представлена наиболее общепринятая, т. е. объективная современная точка зрения на интересующий нас предмет (к тому же изложенная в лаконичной форме, что для нас немаловажно). Акцентируем положения автора о том, что "речь и язык (код) образуют единый феномен человеческого языка" (Выделено нами. — М. К.); "Речь есть воплощенная реализация языка (кода), который обнаруживает себя в Речи и только через нее выполняет свое коммуникативное назначение" [414] (Выделено нами. — М. К.). Далее распределяем характеристики, а следовательно и выделенные ключевые слова, по двум столбцам: слева — речи, справа — системы языка (кода).

"Язык — это орудие (средство общения)".

"Речь есть производимый этим орудием вид общения".

"Речь вводит язык в контекст употребления".

"Речь конкретна и неповторима

"Речь актуальна,

"Речь бесконечна,

"Речь субстанциональна,

"Речь активна и динамична,

"Речь подвижна,

"Речь линейна,

"Речь стремится к объединению слов в речевом потоке,

"Речь есть последовательность слов,

"Речь субъективна, являясь видом свободной творческой деятельности индивида",

"Речь произвольна,

"Речь преднамеренна и обращена к определенной цели",

"Речь контекстно и ситуативно обусловлена",

"Речь вариативна,

"Речь отнесена к объектам действительности и может рассматриваться с точки зрения истинности или ложности,

в противоположность абстрактности и воспроизводимости языка".
язык же потенциален".
система языка конечна".
а язык формален".
система языка в большей мере пассивна и статична".
язык относительно стабилен".
язык же имеет уровневую организацию".

задача языка — сохранить их раздельность".
язык вносит в нее иерархические отношения".
"язык... объективен по отношению к говорящим".

язык обязателен (императивен)".
"в отличие от нецеленаправленности языка".
"язык независим от обстановки общения".
язык же... инвариантен".
к языку истинностная оценка неприменима" (414).

¹ См., например, работы Н. А. Слюсаревой, В. З. Панфилова и др.

Но, кроме того, речь обладает свойствами, непротивопоставляемыми непосредственно чертам языка, а относящимися к способу протекания речевой деятельности. Это темп, продолжительность и т. д. Речь может характеризоваться через *психологическое состояние говорящего, его коммуникативные цели, отношение к собеседнику*; может быть искренней/неискренней. "К речи применимы эстетические (стилистические) оценки и этические (нормативные) оценки" (414). "В речи проявляется *индивидуальный* характер говорящего, а *речевое поведение* составляет существенную характеристику личности" (414). "Субъективность речи проявляется в том, что Речь имеет автора", который для передачи своих мыслей и чувств *выбирает* нужные слова (414). *Говорящий...* отдает предпочтение тому или иному *стилю общения и сообщения* (фамильярному, почтительному и т. д.).

Речь используется в различных *сферах общения* и может быть представлена разными ее *типами*, в том числе *функциональными стилями*. Варьируясь, она приспособляется к различным *целям и задачам*, а также условиям своего *функционирования*. Речь может быть *спонтанной* или *обработанной*, *образной* и *клишированной*; может выполнять функции *информирования, воздействия, выражения эмоций*. При этом могут создаваться особые формы общения — **речевые жанры (РЖ)**. Функционирование языка в речи зависит от *интенций и социальных ролей говорящих*, следует их *речевым тактикам и правилам успешности общения*.

И, наконец, "*речь как один из видов социальной активности человека переплетается с другими формами деятельности*" (415). Коммуникативная *речевая деятельность* выступает в *единстве с познавательной*, а *речевое общение* людей предстает как их **взаимодействие**.

Таким образом, понятие речи выходит за пределы конкретного индивидуального говорения, ей свойственно более общее понимание и возможен более абстрактный уровень ее анализа, когда имеется в виду вообще речевая деятельность и общение людей (как процесс и как результат этого, зафиксированный в текстах), например, вопросы типологии речи, речевых жанров и стилей и т. п.

Все выделенные слова — признаки речи и составляют систему ключевых слов-понятий речеведения.

Напомним, что М. Бахтин неоднократно проводит мысль о "*диалогической природе общественной жизни*" (313) и, между прочим, критикует известную в лингвистических работах схему "*говорящий — слушающий*" с *пассивным* слушающим, которая, по мнению автора, "*не соответствует реальному общению*" из-за неучета активной роли адресата (247-248). Эти положения М. Бахтина особенно актуальны в наше время.

Итак, одна из составляющих объекта речеведения — *речевое взаимодействие* говорящих в процессе речевой деятельности (обычно сопровождающей другие виды деятельности), тем самым **речевое общение**. А поскольку субъектами речевого общения, коммуникантами, выступают люди определенного социума, то центральной фигурой, объектом речеведения выступает говорящий человек, "*взятый*" в процессе речевой деятельности и общения как представитель социума, точнее — *речевая деятельность и общение человека как представителя социума*.

Сделаем одно существенное добавление к комплексу ключевых слов, связанное с акцентированием различия понятий "*речевой системности*" и "*системы языковой*". Как известно и как отмечалось выше, система языка конечна, построена по уровневому принципу, каждая единица которой (и которого) обладает значимостью, ценностью (см. соссюрдовское *valeur*) как

член системы в противопоставлении с другими единицами; это — абстрактное, статичное (достаточно стабильное) устройство. В "Заметках" Соссюра прослеживаются упорные поиски специфики системы языка, в том числе и через разные аналогии (особенно известная — с шахматами) и заключение, что "язык совершенно ни с чем не сравним, даже приблизительно" [38.90]. И эти поиски отнюдь не случайны. То же должно относиться и к речи.

В процессе функционирования языка в речи во *внешней* среде, в речевой деятельности и общении человека происходит не только реализация системы языка, но и формирование иного рода системности — речевой. Это не просто модификация системы языка, в рамках той же системы, но иное построение — на принципиально другой основе [23.51-58]¹. Здесь определяющим является не ценность, значимость единицы в уровневой системе отношений этих единиц, т. е. устройство *имманентного* типа (хотя и с "генетическими" и потенциальными связями социального характера), но обусловленность речевой системы *экстралингвистическими* факторами, в том числе целями и задачами говорящих в их речевой деятельности, определяемые не только субъективными (индивидуальными) интенциями, а назначением в социуме тех или иных видов деятельности и соотносительности с ними сфер общения. Именно они направляют в соответствующее "русло" процесс речевой деятельности, принципы выбора и организации речи, (ее конструктивный принцип), детерминируют тем самым системность речи и ее продуктов — текстов. (Последние могут рассматриваться как *актуализация процесса* речевой деятельности и *типологически*, как типы текстов). Эту именно речевую, текстовую системность, свойственную тем или иным видам речи и сферам общения, вряд ли можно представить как лишь перестройку единиц языковой системы, как переключение ее в другой регистр (термин Хэллдея) или режим работы (Б. Н. Головин). Это не вполне точная аналогия, поскольку в данном случае "работает" все та же "конечная" система с тем же набором и соотношением единиц (компонентов) и их порядком.

Речевая же деятельность и речевое общение человека происходит не только во взаимодействии друг с другом (реализуя свои цели и интенции), но и во взаимодействии с внешним миром, с предметами и явлениями действительности; они протекают в разных сферах, имеющих свое назначение в жизни социума (например, сфера правовых отношений, политическая, эстетическая и т. д.). Именно эти (как и другие) *экстралингвистические* факторы определяют специфику разных типов речи, принципы их системной организации на текстовой плоскости².

В связи со сказанным не вполне корректным представляется употребление терминов "подъязык", "субъязык" применительно к тем или иным типам речи, функциональным стилям, специфика которых не ограничивается изменениями состава и соотношения языковых единиц (и даже их частотностью), т. е. кодовыми характеристиками, но характеризуется *особыми принципами их организации*, сопровождаемыми собственно речевыми "прибавками".

В этом же плане — если не размывать понятие системы языка — требует, вероятно, корректировки положение об языке как системе систем.

¹ О различии системы языка и системы речи говорил и В. В. Виноградов (1963).

² Конкретному анализу текстов в этом плане посвящена обширная литература в области функциональной стилистики, в том числе стилистики текста. См.: Виноградов В. В. (1963), Одинцов В. В. (1980), Васильева А. Н. (1976), Костомаров В. Г., Солганик Г. Я. (1981) и др.

По-видимому, применительно к языку точнее говорить о системе подсистем, а применительно к речи — о совокупности речевых систем. Именно речь многообразна и бесконечна, она в принципе не поддается единому критерию ее систематизации и действительно существует в многообразии речевых образований (типов речевых систем), тогда как языковая система конечна и построена по единому принципу. Если же понимать термин "язык" в широком смысле, то он включает в себя понятие "системы языка" и речи как речевой деятельности и общения (в разных сферах).

Речь, реализуя единицы языка (фонемы, морфемы, слова и предложения), вместе с тем располагает и своими *собственными речевыми единицами* (высказывание, речевой акт, речевой жанр, целостный текст и др.).

Таким образом, *объектом* речеведения выступает говорящий человек в процессах (и результате) его речевой деятельности и общения в социокультурной среде. При этом *предметом речеведения* (речеведческого аспекта лингвистики) является речевая деятельность и общение, рассматриваемые с точки зрения взаимодействия коммуникантов во внешней среде (т. е. во взаимодействии друг с другом и с предметами и явлениями окружающего мира), закономерности функционирования (использования языка говорящими) в разных сферах и ситуациях общения в широком экстралингвистическом контексте (а не лишь вербальном)¹, т. е. под влиянием "экстралингвистических" факторов, и образующиеся при этом типы речи с их специфической речевой системностью. Анализируются также *речевые единицы*, стиль и композиция высказывания, целого текста; нормы, правила поведения и речи говорящих.

Теперь попытаемся дать схематичное изображение общего понятия речи, речевой деятельности и общения как речеведческого аспекта лингвистики. При этом внесем терминологические уточнения, а именно в нашей схеме предлагается следующее "распределение" терминов: **речевая деятельность** как обобщенное понятие функционирующего в социуме (социокультурной среде), используемого человеком языка (и как процесс, и как его результат — тексты); **система языка** (код) — только в данном словосочетании; **речь** — конкретное говорение индивидуумов. См. схему.

Что же дает для лингвистики речеведческий аспект? Он, прежде всего, позволяет более точно и строго квалифицировать явления и соответствующие понятия (как либо системно-языковые, либо речевые) и тем самым лучше и полнее определять и изучать их специфику, использовать соответствующую методику исследования².

Так, например, дискуссионный до сих пор вопрос о квалификации разговорной обиходной речи как факта языка³ или речи решается в пользу последней с речеведческой точки зрения.

Характерно, что, настаивая на термине "язык", авторы тем не менее определяют и описывают это понятие в параметрах — ключевых словах рече-

¹ Учет *вербального* контекста представлен в функциональной грамматике (например, в трудах А. В. Бондарко). В речеведение же предполагается более широкое толкование термина "функциональный" — как использование, функционирование языка говорящими в *широком социокультурном* контексте (в духе, например, В. А. Аврорина, 1975).

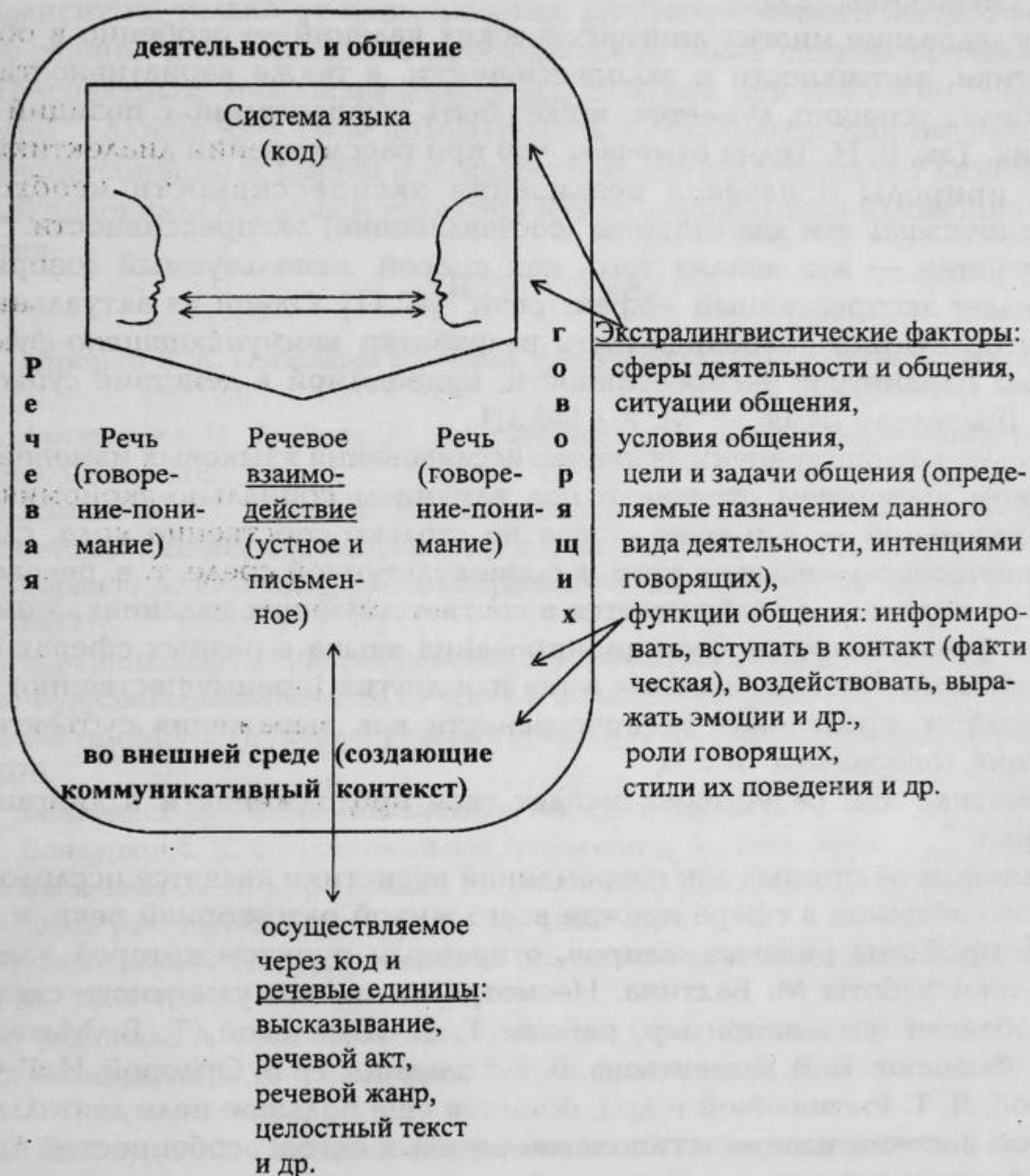
² Известно методологическое положение о необходимости *соответствия* той или иной теории сущности изучаемого объекта и отсюда *выработка определенных* (соответствующих) *методов* его исследования.

³ Ср.: "Разговорный язык — это *спонтанный* язык, реализующийся в *неофициальном общении при непосредственном участии говорящих*" (Выделено нами. — М. К.). Русский язык (п. ред. Е. Sirjaev). Opole, 1997. С. 16.

ведения: спонтанный характер, условия неофициального и непосредственного общения, неофициальности, неподготовленности; реализация в устной форме; в типе коммуникации, связанной с определенными ситуациями общения; свойственность последнему ассоциативного развития мысли (и текста); и все это способствует "адекватному описанию речевого поведения человека" (417)¹.

СХЕМА

**функционирования (использования) языка
в речевой деятельности и общении говорящих
в социокультурной среде как предмет речеведения**

Как видим, все это признаки речи, но не собственно языковой системы (кода).

Другой пример: о языковых и речевых (текстовых) единицах. Хотя как будто общепринято, что, говоря словами Э. Бенвениста, "с предложением кончается область системы знаков и налицо область языка как средства общения, т. е. речи"², однако до сих пор в литературе термины *высказывание и предложение* нередко используются синонимически (взаимозаменяются) либо "гибридно" (*предложение — высказывание*). Тогда как еще

¹ Русистика сегодня...

² Новое в лингвистике. М. 1965. С. 447.

М. Бахтин, строго разграничивая эти явления (и понятия), считал, что предложение (в отличие от высказывания) лишено способности воплощать замысел и цели говорящего, ему не свойственна обращенность и адресованность к кому-либо, оно лишено способности определять ответ (252). Высказывание же, обусловленное, по Бахтину, сменой речевых субъектов (249), "с самого начала строится с учетом *ответных реакций*" (275), ему свойственна обращенность к кому-либо и адресованность (275). До настоящего времени актуально утверждение М. Бахтина о том, что "отсутствие разработанной теории *высказывания как единицы речевого общения* приводит к нечеткому различению предложения и высказывания, а часто к полному их смешению" (253).

Исследование многих лингвистических явлений — особенно в области семантики, эмотивности и экспрессивности, а также вариативности языка — более успешно, думается, может быть осуществлено с позиций речеведения. Так, В. Н. Телия отмечает, что при рассмотрении диалектики *языковой природы и речевой реализации экспрессивности необходимо разграничивать* эти две стороны (составляющие) экспрессивности. "Задача изучения — это анализ того, как способ, используемый говорящим, порождает экспрессивный эффект речи" [40.11]. Одной из актуальных задач автор считает "необходимость разработки *коммуникативно-функциональных параметров экспрессивности, приводимой в действие субъектом речи*" (Выделено нами. — М. К.) [40.31].

Весьма распространенные сейчас исследования языковых изменений на коротком временном отрезке и под влиянием социально-экономических преобразований — это тоже сфера не столько собственно кода, сколько *функционирования* языка в речи, в социокультурной среде, т. е. речеведческая. Что, впрочем, и отображается в соответствующих изданиях, а именно: рассмотрение вопросов функционирования языка в разных сферах общения, стилистические изменения в тех или других (преимущественно) газетных жанрах, проявление экспрессивности как выражения субъективных интенций говорящего¹ и т. п.

Тематика эта, безусловно, найдет свое продолжение и в лингвистике XXI века.

Одной из обширных зон современной русистики является исследование речевого общения в сфере прежде всего живой разговорной речи, и в частности проблема речевых жанров, отправным пунктом которой являются опять-таки работы М. Бахтина. Несмотря на то, что уже много сделано в этой области (см., например, работы Т. В. Шмелевой, Т. В. Матвеевой, М. Ю. Федосюк, В. В. Дементьева, В. Е. Гольдина, Н. В. Орловой, И. Г. Сибиряковой, Я. Т. Рытниковой и др.), остается еще большое поле деятельности: вопросы систематизации и типологии речевых актов, особенностей их функционирования в разных сферах общения, приоритетности тех или иных РЖ в разные исторические эпохи развития языка, специфика первичных и вторичных РЖ и др.

Здесь встает вопрос и о соотношении РЖ и речевых актов, затронутый А. Вежбицкой и требующий дальнейшего пристального теоретического и практического изучения.

Следует продолжить изучение на более углубленном уровне и вопроса о диалогической природе речи (текста) в разных сферах общения, в частности проблему **воздействия — взаимодействия коммуникантов** (друг с дру-

¹ См., например, указ. соч.: Русский язык (1997), Русский язык конца XX столетия... (1996), Человеческий фактор в языке... (1991) и др.

гом и с внешней средой). Чрезвычайно перспективны в связи с этим идеи Т. М. Дридзе о необходимости создания "единой платформы для интеграции междисциплинарного научного знания", опирающейся на понимание общения и текстовой деятельности как диалога, а не воздействия [17].

Думается, что целенаправленное и комплексное рассмотрение этих и других вопросов в рамках одного направления — пока же они "разбросаны" по разным научным отраслям — будет способствовать более эффективному их решению, снимет нежелательный терминологический параллелизм, не способствующий анализу и прояснению проблем, определит более четко частные предметы исследования новейших дисциплин и их границ. Конечно, это зависит не только от наименования рассматриваемого общего аспекта исследований, хотя осознание необходимости более тесных коллективных (многоаспектных, междисциплинарных) поисков при изучении "смежных проблем" должно дать свои положительные результаты. Как раз проблемы междисциплинарных связей и комплексных методов отличают лингвистику второй половины XX века и являются перспективными на ближайшие десятилетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., 1975. 276 с.
2. Арутюнова Н. Д. Речь // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 414-416.
3. Ахманова О. С., Натан Л. Н., Полторацкий А. И., Фатющенко В. И. О принципах и методах лингвистического исследования. М., 1966.
4. Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-на-Дону, 1993.
5. Баранникова Л. И. Формирование современной научной парадигмы в лингвистике. Функциональный подход // Язык и общество. Саратов: СГУ, 1995. Вып. 10.
6. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1979.
7. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. 447 с.
8. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л., 1984. 208 с.
9. Васильева А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка: общие понятия стилистики, разговорный стиль речи. М., 1976. 189 с.
10. Васильева А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка: научный стиль речи. М., 1976. 189 с.
11. Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов, 1997.
12. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963. 255 с.
13. Винокур Г. О. О задачах истории языка // Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
14. Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. Саратов, 1993. Вып. 25.
15. Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. М., 1989. 246 с.
16. Дементьев В. В. Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике // Вопр. языкознания. 1997. № 1. С. 41-54.
17. Дридзе Т. М. Социальная коммуникация и культура в эоантропоцентрической парадигме // В контексте конфликтологии. М., 1997. Вып. 1.
18. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976. 307 с.
19. Земская Е. А., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь: итоги и перспективы исследования // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. М., 1988.

20. Кожина М. Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь, 1966.
21. Кожина М. Н. К основаниям функциональной стилистики. Пермь, 1968.
22. Кожина М. Н. О речеведческом аспекте лингвистических исследований и речевой системности функционального стиля // Исследования по стилистике. Пермь, 1970. Вып. 2.
23. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М., 1993. 223 с.
24. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971. 267 с.
25. Костомаров В. Г. Тезисы возможной концепции функциональных стилей // Из опыта преподавания русского языка нерусским. М., 1970. Вып. 5.
26. Кибрик А. Е. Язык // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 604-607.
27. Кубрякова Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Известия АН. Серия лит. и яз. 1994. № 2.
28. Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика / Под ред. Ю. С. Степанова. М., 1983.
29. Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983.
30. Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XVI. 500 с.
31. Одинцов В. В. Стилистика текста. М., 1980. 263 с.
32. Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XIX вв. Т. II: Стилистика научного текста (общие параметры). Ч. 2: Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. Пермь, 1998.
33. Почепцов Г. Г. мл. О некоторых вопросах лингвистики общения // Структурная и математическая лингвистика. Киев, 1975. № 3.
34. Проблемы современной стилистики: Сб. ИНИОН. М., 1989. № 9 и 135.
35. Сиротинина О. Б. Человек и его язык // Вопросы стилистики. Саратов, 1996. Вып. 26.
36. Слюсарева Н. А. Смысл как экстралингвистическое явление // Как подготовить интересный урок иностранного языка. М., 1963.
37. Солганик Г. Я. Лексика газеты. М., 1981.
38. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. М., 1990. 274 с.
39. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933.
40. Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991.
41. Холодович А. А. О типологии речи // Проблемы грамматической теории. М., 1979.
42. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
43. Ширяев Е. Н. Общие процессы в развитии русского языка в 1945-1995 гг. // Рус. яз. Opole, 1997.
44. Шмелева Т. В. Речеведение. Теоретические и прикладные аспекты: Материалы для обсуждения. Новгород, 1996.
45. Шмелева Т. В. Речеведение: в поисках теории // Stilistika. VI. Opole, 1997.
46. Якубинский Л. П. О диалогической речи // Рус. речь. Пг, 1929. № 1.